Приложение 1

Адриан Байе

ТРИ СНА ДЕКАРТА
(Отрывок из «Жизни господина Декарта», 1691)*

[…] Вскоре он заметил, что человеку так же трудно избавиться от своих предрассудков, как сжечь собственный дом. Он уже готовился к этому отречению с момента окончания коллегии: он сделал к тому несколько попыток, сначала в ходе своего уединения в предместье Сан-Жермен в Париже, затем во время пребывания в Бреда. Несмотря на все эти предуготовления, он все равно страдал так же, как если бы речь шла о том, чтобы избавиться от самого себя. Однако он уверовал, что справился с этим. И, сказать по правде, было достаточно того, чтобы его воображение представило перед ним совершенно нагой ум, дабы он уверовал, что он действительно привел его в такое состояние. Ему оставалась лишь любовь к Истине, искание которой должно было отныне стать единственным занятием его жизни. Это стало исключительной материей мучений, на которые он обрек с той поры свой разум. Но способы достижения счастливой победы причинили ему не меньше затруднений, чем сама цель. Изыскания, которые он хотел провести этими средствами, привели его разум в неистовые волнения, что возрастали все более и более из-за постоянного воздержания, в котором он удерживал свой разум, не соглашаясь на то, чтобы прогулки или дружеские компании его как-то отвлекали. Таким образом, он столь утомил свой разум, что жар охватил его мозг, и он впал в своего рода энтузиазм, повернувший таким образом его и так ослабленный ум, что он стал в состоянии воспринимать впечатления, производимые сновидениями и видениями.

Он нам сообщает, что десятого ноября тысяча шестьсот девятнадцатого года, отойдя ко сну, всецело *преисполненный своим энтузиазмом* и с мыслью,

* *Descartes R.* Œuvres complètes /S/d de J.-M. Beyssade et D. Kambouchner. I. Premiers écrits. Paris: Gallimard, 2016. P. 252–257; см. также комментарии: p. 615–632.

всецело занятой тем, что *он нашел в этот день основание восхитительной науки,* он увидел ночью сразу три сновидения, которые, как он подумал, были ниспосланы ему разве что свыше. После того как он заснул, его воображение ощутило потрясение от представления нескольких призраков, которые предстали перед ним и привели его в такой ужас, что, полагая, будто он идет по улицам, он был вынужден повернуться левым боком, дабы смочь продвинуться к месту, куда он хотел пойти, ибо он чувствовал такую превеликую слабость в правом боку, каковую не мог стерпеть. Испытывая стыд от того, что передвигается таким образом, он сделал усилие, чтобы стать прямо, но почувствовал, как резкий порыв ветра закружил его в своего рода вихре, заставив повернуться на левой ноге три или четыре раза.

Но это было еще не то, что его ужаснуло. В силу затруднения, которое он испытывал от того, что так тащился, ему казалось, что он падал на каждом шагу вплоть до того мига, когда он увидел на своем пути открытые двери какой-то коллегии, куда он вошел, дабы найти там прибежище и снадобье от своей боли. Он постарался пройти в церковь коллегии, где его первой мыслью было желание помолиться: но заметив, что прошел мимо знакомого ему человека, не поприветствовав его, он захотел воротиться, чтобы выказать ему почтение, но был отброшен по пути резким порывом ветра, который бился о церковь. В тот же миг он увидел посреди двора коллегии еще одного человека, который назвал его по имени с превеликой и обязывающей обходительностью; и сказал ему, что, если он хочет пойти и найти господина Н., — то он ему кое-что передаст. Господин Дек. вообразил себе, что это была дыня, привезенная из какой-то заморской страны. Но что удивило его больше, так это то, что он видел, что все те, кто собрался вокруг этого человека, разговаривая с ним, твердо стояли на своих ногах, а он по-прежнему извивался и качался, идя по той же самой земле, а также он заметил, что ветер, который, как ему думалось, мог его снести несколько раз, заметно стих. Он проснулся на этом видении и сразу же ощутил действительную боль, в силу которой ему стало страшно, — не были ли все это проделкой какого-нибудь злого гения, захотевшего его соблазнить? Тотчас же он повернулся на правый бок, так как именно на левом он заснул и увидел сей сон. Он помолился Богу, попросив защиты от дурных следствий сего сновидения и избавления от всех злосчастий, которые могли бы угрожать ему в наказание за его грехи, которые он признавал достаточно тяжкими, чтобы навлечь на его голову небесные

молнии, хотя до сей поры в глазах других людей он жил жизнью довольно безупречной.

В этом положении он снова заснул, после почти двухчасового перерыва, проведенного в разнообразных мыслях о благах и бедствиях мира сего. Ему тотчас же привиделся новый сон, в котором ему показалось, что он слышит резкий и пронзительный звук, который он принял за удар грома. Ужас, который он от этого испытал, заставил его тотчас же проснуться — и, открыв глаза, он увидел, как по спальне во множестве разлетелись огненные искры. Такое уже случалось с ним и прежде, и в этом не было ничего весьма необычного, если он просыпался среди ночи со сверкающим глазами и сразу же видел самые близкие к нему предметы. Но в этом последнем случае он хотел прибегнуть к рациональным доводам, взятым из философии — и он сделал из этого благоприятные для своего ума заключения, заметив, поочередно открывая и закрывая глаза, качество вещей, которые перед ним представали. Таким образом, ужас его рассеялся, и он снова заснул в довольно спокойном расположении духа.

Через миг ему привиделся третий сон, в котором не было ничего такого страшного, как в первых двух. В последнем ему привиделось, что он нашел на столе книгу, не зная, кто ее туда положил. Он открыл ее и увидел, что это был «Словарь», и он пришел в восхищение от этого, надеясь, что тот мог бы быть ему весьма полезен. В тот же миг в его руке оказалась другая книга, не менее новая для него, о которой он также не знал, откуда она взялась. Он обнаружил, что это был сборник стихотворений разных авторов под названием «Corpus poetarum и т. д.»[1]. Его одолело любопытство, и он захотел что-то прочесть оттуда: и в начале книги наткнулся на стих «Quod vitæ sectabor iter»[2]? В тот же миг он увидел человека, ему неизвестного, тот представил ему

[1] Декарту снится реальная книга, а именно антология древнеримской поэзии, которая использовалась в качестве основного учебного пособия в иезуитской коллегии Ла Флеш в классе поэзии, в котором Декарт учился в 1610–1611 учебном году, после чего прошел класс риторики и три класса философии, отказавшись от выпускного класса теологии: *Petrus Brossaeus.* Corpus omnimum veterum poetarum… Lyon, 1603.

[2] Речь идет об ужу упоминавшемся стихотворении Авсония «Как мне выбрать жизненный путь…?». См.: *Авсоний*. Стихотворения / Изд. подгот. М. Л. Гаспаров; Отв. ред. С. С. Аверинцев. М.: Наука, 1993. С. 50.

поэтическую пиесу, которая начиналась словами «Est et Non»[3], и которую неизвестный расхваливал как превосходную. Г-н Декарт сказал ему, что он знал, что это такое, и что эта пиеса была среди «Идиллий» Авсония, входивших в большой сборник поэтов, лежавший на столе. Ему самому захотелось показать пиесу тому человеку, и он принялся листать книгу, порядок и композицию которой он похвалялся, что знал в совершенстве. Пока он искал нужное место, человек спросил у него, где он взял эту книгу, и г-н Декарт ответил ему, что не может сказать, как она у него оказалась; но что за мгновение до этого он вертел в руках другую книгу, которая только что исчезла, не зная, кто ее принес и кто ее забрал.

Не успел он закончить, как увидел, что книга снова появилась на другом конце стола. Но он сразу понял, что этот «Словарь» уже не тот, каким он видел его в первый раз. Однако он добрался до стихотворения Авсония в поэтическом сборнике, который листал; и, не найдя пиесы, которая начинается словам «Est et Non», он сказал этому человеку, что он знал еще одно стихотворение из того же поэта, еще более прекрасное, нежели первое, и что оно начиналось словами «Quod vitæ seetabor iter?». Неизвестный попросил его показать это стихотворение, и г-н Декарт счел своим долгом его отыскать, тогда он наткнулся на миниатюры, на которых были гравюры с портретами в полурост — в силу чего он сказал, что эта книга была очень красива, но была не того же издания, в котором он знал ее прежде. Все так и было, когда книги и человек вдруг исчезли и изгладились из его воображения, не пробудив его при этом. Что примечательно, так это то, что, засомневавшись, было ли то, что он только что видел, сном или видением, он не только во сне решил, что это — сон, но и истолковал его еще до того, как сон его покинул. Он рассудил, что «Словарь» означает не что иное, как все науки, собранные вместе, и что сборник стихов под названием «Corpus poetarum» в частности и более отчетливо обозначил философию и мудрость, соединенные вместе. Ибо он не верил, что можно сильно удивляться тому, что поэты, даже те, которые только дурачатся, бывают исполнены более серьезных, более разумных и более благозвучных сентенций, чем те, что встречаются в трудах философов. Он приписывал сие чудо божеству энтузиазма и силе воображения, которая обнаруживает семена мудрости (что находятся в умах всех людей, как огненные искры

[3] «“Да” и “нет” два у всех на устах односложные слова…» (Там же. С. 52).

в камнях) с гораздо большей легкостью и гораздо большим блеском, нежели способен сделать разум в философах.

Г-н Декарт, продолжая во сне истолковывать свое сновидение, счел, что стихотворная пиеса о неопределенности того, какой род жизни следует выбирать, начинающаяся со слов «Quod vitæ sectabor iter», обозначала благой совет мудрого человека или даже моральную теологию. Засим, будучи во власти сомнения, грезил ли он, медитировал ли, он пробудился без эмоций; и продолжал, открыв глаза, толковать свой сон в том же самом духе. От поэтов, собранных в книге, он ожидал откровения и энтузиазма, коих не отчаивался заслужить. Под стихотворной пиесой «Est et Non», что перекликается с «Да и Нет» Пифагора, он понимал истину и ложность в человеческих познаниях и светских науках. Узрев, что применение всех этих вещей ему так хорошо подходило, он осмелел до того, что убедил себя, будто через этот сон сам Дух истины соблаговолил открыть ему сокровища всех наук. И поскольку ему оставалось объяснить лишь гравюры с портретами в полурост, которые он обнаружил во второй книге, он не нашел иного объяснения, кроме того, что было связано с визитом, который нанес ему на следующий день один итальянский художник.

В этом последнем сне, в котором не было ничего, кроме весьма сладостного и весьма приятного, было представлено его будущее, как он подумал; в нем было лишь то, что должно было случиться с ним в оставшейся жизни. Но два предыдущих он принял за грозные предупреждения, касавшиеся его прошлой жизни, которая, возможно, не была столь невинна ни перед Богом, ни перед людьми. И он подумал, что в этом и была причина того ужаса и страха, которыми сопровождались оба сновидения. Дыня, которую ему хотели преподнести в первом сне, означала, говорил он, прелести одиночества, но представленные чисто человеческими заботами. Ветер, что гнал его к церкви коллегии, когда у него кололо в правом боку, был не чем иным, как злым гением, который пытался силой бросить его в то место, куда он намеревался направиться по своей воле добровольно. Вот почему Бог не допустил, чтобы он пошел дальше и позволил унести себя, пусть даже в святое место, духу, коего он не посылал, хотя он был пресильно убежден, что именно Дух Божий заставил его сделать первые шаги к этой церкви. Тот ужас, которым он был поражен во втором сне, обозначал, по его мнению, убежденность, то есть угрызения совести, касавшиеся грехов, которые он, возможно,

совершил в течение своей прежней жизни. Молния, сверкание коей он узрел, была знаком Духа истины, ниспосланного на него, чтобы им овладеть.

В последнем воображаемом представлении было, несомненно, что-то от энтузиазма; и оно могло бы заставить нас подумать, что г-н Декарт выпил вечером, прежде чем лечь спать. Действительно, это был вечер накануне дня Сен-Мартена, когда было принято греховодить в том месте, где он был, как и во Франции. Но он уверяет нас, что провел вечер и весь день в совершенной трезвости и что три месяца вообще не пил вина. Он добавляет, что гений, возбуждавший в нем энтузиазм, от которого он чувствовал, что мозг его пылает вот уже несколько дней, внушил ему эти сны еще до того, как он лег спать, и что человеческий разум к этому не был причастен [...].

Приложение 2

Зигмунд Фрейд

ПИСЬМО МАКСИМУ ЛЕРУА ОБ ОДНОМ СНЕ ДЕКАРТА*

Ознакомившись с вашим письмом, где вы просите рассмотреть несколько снов Декарта, первое, что я испытал, было впечатление тревоги, ибо работать над сновидениями, не имея возможности получить от самого сновидца указаний на отношения, которые могут их связывать одно с другим или с внешним миром, — а именно так обстоит дело со снами исторических персонажей — значит обречь себя на весьма скромные результаты. Потом, правда, задача представилась мне более легкой, нежели я подумал сначала; тем не менее, полагаю, что плоды моих изысканий покажутся вам намного менее значительными, нежели вы могли надеяться.

Сны нашего философа относятся к разряду тех, что называют «сны свыше» (Träume von oben), то есть это образования идей, которые могли бы сложиться как в состоянии бодрствования, так и в состоянии сна, и содержание

* *Freud S.* Lettre à Maxime Leroy sur un rêve de Descartes // Œuvres complètes — psychanalyse – vol. XVIII: 1926–1930. Paris: PUF, 2015. P. 235–236.